

Война, политика и субъект: философия военной деятельности Карла Клаузевица

Балаклеец Наталья Александровна

кандидат философских наук

доцент, кафедра философии, Ульяновский государственный технический университет

432027, Россия, г. Ульяновск, ул. Северный Венец, 32

Balacleets Natalia Aleksandrovna

PhD in Philosophy

associate professor of the Department of Philosophy at Ulyanovsk State Technical University

432027, Russia, Ulyanovsk, str. Severnyi Venets, 32

✉ bnatalja@mail.ru

[Статья из рубрики "Политическая философия"](#)

Аннотация. Предметом исследования настоящей статьи является концепция войны Карла Клаузевица, представленная в его работе «О войне» ("Vom Kriege"). В статье обосновывается значимость теоретического наследия немецкого генерала для современного философского дискурса. Подробно рассматриваются такие элементы теории Клаузевица, как взаимосвязь войны и политики, структура и характеристики военной деятельности. Особое внимание автор уделяет темпоральным аспектам военной деятельности, а также анализу ее субъекта. Опираясь на многочисленные, в том числе, не переведенные на русский язык, теоретические источники (Р. Арон, Г. Мюнклер, У. Клеемайер, В. Палавер, Р. Жирар, М. Фуко, Дж. Ло и др.), автор эксплицирует эвристический потенциал и методологическую значимость идей Клаузевица применительно к современному состоянию общества. Наряду с общетеоретическими методами исследования в статье используются постструктуралистская и герменевтическая методология, а также метод сравнительного анализа философских учений. Новизна исследования заключается в выявлении многообразных философских аспектов, имплицитно представленных в теории войны Клаузевица, в том числе, методологического характера. Автор приходит к выводу о сложном и неоднозначном характере взаимодействия войны и политики, анализируемого в тексте "Vom Kriege". Особый вклад автора заключается в экспликации биополитических идей в учении немецкого теоретика, а также в обосновании релевантности категории субъекта в трактовке Клаузевица современной философии управления.

Ключевые слова: трансгрессия, война, политика, власть, субъект, деятельность, философия, социальное время, социальное пространство, Клаузевиц

DOI: 10.7256/2409-8728.2017.2.18715

Дата направления в редакцию: 12-04-2016

Дата публикации: 21-02-2017

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, в рамках проекта проведения научных исследований: «Комплексное исследование трансгрессии как сущностной характеристики современной социально-культурной реальности», проект №

15-33-01222.

Abstract. The subject of this article is the war concept of Carl von Clausewitz, presented in his work "On War" ("Vom Kriege"). The article explains the importance of the theoretical heritage of the German General for philosophical discourse. The article contains detailed review of such elements of Clausewitz's theory, as the relationship of war and politics, structure and characteristics of war activity. Particular attention is paid to the temporal aspects of war activity, as well as the analysis of its subject. Based on the numerous, including non-translated into Russian theoretical sources (R. Aron, H. Münkler, U. Kleemeier, W. Palaver, R. Girard, M. Foucault, J. Law et al.), the author explicates heuristic potential and methodological significance of Clausewitz's ideas with regard to the current state of society. Along with the general theoretical research methods the author uses poststructuralist and hermeneutical methodology as well as the method of comparative analysis of philosophical doctrines. The novelty of the study lies in the detection of the variety of philosophical issues (including methodological) implicitly represented in Clausewitz' war theory. The author comes to the conclusion that the relationship between war and politics analyzed in "Vom Kriege" is complex and controversial. The special contribution of the author consists in the explication of biopolitical ideas in the teaching of the German theorist, as well as in the explanation of the relevance of the category of subject in Clausewitz' interpretation to modern management philosophy.

Keywords: social time, philosophy, activity, subject, power, politics, war, transgression, social space, Clausewitz

Война – одно из тех состояний социальной жизни, исследовательский интерес к которому не ослабевает в современном политико-философском дискурсе. Несмотря на появление множества современных концепций войны, исследователи не обходят вниманием теорию Карла Клаузевица, представленную в его opus magnum «О войне» («Vom Kriege») [\[1\]](#). Произведение увидело свет в 1832-34 годах, после смерти автора, однако и с учетом социокультурных реалий XXI века оно сохраняет свою притягательную силу.

Опираясь на концептуальные разработки современной философской мысли, можно ввести положение, что война представляет собой трансгрессивный феномен общественной и политической жизни [\[2; 3\]](#). В социально-онтологическом плане война есть не что иное, как нарушение установленных и зафиксированных границ. Трансгрессии в войне подвергаются политические границы суверенных государств, территориальные границы, а также границы обыденного, повседневного («мирного») существования частных лиц. В свете сказанного философское осмысление феномена войны является значимой темой в исследовании трансгрессии социального пространства.

Теория войны Клаузевица является детищем своей эпохи: она отражает те масштабные трансформации, которые претерпела война в Западной Европе в начале XIX века. Эпоха наполеоновских войн поставила под удар равновесную европейскую систему государственных во имя строительства панъевропейской империи. Подобно гигантской мясорубке, универсальная империя, осуществив трансгрессию отдельных национальных государств, привела бы, по выражению И. Фихте, к «перемальванию всех зерен человеческого в человечестве» [\[4, с. 299\]](#). Современная эпоха демонстрирует определенные социокультурные аналогии времени наполеоновских войн. Сегодня национальные границы государств вновь размываются, однако они уступают место еще более

масштабным и взаимозависимым социальным конструкциям, основанным на принципе глобального суверенитета. Кроме того, значительные метаморфозы претерпевает и сам характер войн XXI века. Названные процессы требуют философского осмысления с привлечением широкого историко-философского контекста. И обращение к теоретическому наследию Клаузевица может послужить источником новых идей применительно к пониманию войны как неотъемлемого элемента социальной жизни.

Многие современные авторы обосновывают неослабевающую актуальность и эвристическое значение философии войны Клаузевица для различных областей теоретического знания [5-11]. Другие исследователи, напротив, обращают внимание на несостоятельность идей, принадлежащих немецкому классику, применительно к войнам XXI века [12-14], но, вместе с тем, разрабатывая свои концепции и парадигмы войны, критики Клаузевица вынуждены отталкиваться от его теоретического наследия, осуществляя творческую рецепцию его выводов или оспаривая их.

Следует отметить, что причисление знаменитой работы Клаузевица к области философского знания, то есть приписывание ей значения, превосходящего рамки сугубо военной теории, на первый взгляд, представляется далеко не бесспорным [11, С. 268]. Немецкий генерал, сетуя на свою «слабую философскую подготовку» [1, С. 88], действительно, сознательно не удостоивает своего внимания ряда традиционно «метафизических» и этических вопросов, касающихся войны – проблемы справедливой и несправедливой войны, демаркации состояний войны и мира, детальной экспликации причин войны, ее последствий для жизни общества и способов ее предотвращения. Стремление автора избежать углубления в метафизические сферы отнюдь не случайно: как мы покажем в настоящем исследовании, философия Клаузевица – это, прежде всего, философия военной деятельности, для которой избыточность знания, в том числе метафизического, а также философская и психологическая рефлексия субъекта по поводу собственных ошибок являются факторами, затрудняющими принятие необходимых на войне решений. В силу названных причин возникает ситуация, когда «большинство полководцев там, где они должны были действовать, топчутся на месте среди мнимых затруднений и колебаний» [1, С. 191]. Вместе с тем, было бы несправедливо ограничивать значение рассматриваемой теории преимущественно областью «полководцев и политиков» [15, С. 63]. Отметим, к примеру, современные немецкоязычные работы, которые демонстрируют возможности использования идей Клаузевица для организации управления предприятиями, для сферы стратегического менеджмента [10; 16], а также для теории игр [8]. Настоящее исследование призвано эксплицировать философские основания военной теории Клаузевица и обосновать ее значимость для области философского знания.

Причисление теории войны, разработанной немецким генералом, к области философии осуществляется исходя из различных способов аргументации.

Косвенный способ аргументации основан не на непосредственном выявлении философских оснований концепции Клаузевица, но предполагает установление идейного влияния на личность автора теорий войны, принадлежавших философам – его современникам и предшественникам. Солидную философскую подготовку автор «*Vom Kriege*» получил за годы обучения в Берлинском военном училище (1801-1803), где в то время преподавал ученик и последователь И. Канта Иоганн Готтфрид Кизеветтер. Лекции и научные труды Кизеветтера наложили отпечаток на способ мышления Клаузевица. Кроме того, именно благодаря влиянию своего наставника Клаузевиц

приобщился к наследию Канта, идеи которого он сочетал с теоретическими разработками Н. Макиавелли, Ш.Л. Монтескье и своего современника И. Фихте [9].

Как отмечает Б. фон Этингер, Клаузевиц обязан своей славе философа британскому исследователю Стэнли Морисону, организовавшему в 1963 году при поддержке Британского Музея выставку, на которой были представлены книги самых влиятельных мыслителей Запада. Компанию произведению Клаузевица «О войне» составили работы таких авторов, как Августин Аврелий, Архимед, Макиавелли, Ньютон, Руссо, Кеплер, Кант, Лейбниц, Ламарк, Дарвин, Гете, Гумбольдт и Эйнштейн. При этом страница выставочного каталога, посвященная Клаузевицу, носила название «философия войны» [10, С. 15]. Вместе с тем, механическое помещение работ немецкого теоретика войны в один ряд с наследием авторитетных философов и ученых еще не дает серьезных оснований считать философом его самого. Такой поверхностный и опосредованный способ аргументации, основанный на установлении внутренней связи между отдельными историческими фактами и событиями и игнорирующий исследование с философских позиций самого текста «Vom Kriege», представляется нам не состоятельным. Необходимы детальное и глубокое проникновение в теорию войны, предложенную Клаузевицем, и экспликация ее философской подоплеки.

Обращение к самому тексту позволяет нам выявить отдельные ходы мысли Клаузевица, содержащие выраженные в эксплицитной форме философские рассуждения о войне. Так, уже постановка вопроса о войне («Что такое война?» [1, С. 34]) и установка на определение сущности (das Wesen) данного феномена отсылает нас к платоновскому образу мысли. А знаменитое определение войны, в соответствии с которым она представляет собой «акт насилия, имеющий целью заставить противника выполнить нашу волю» [1, С. 35], определение, исходящее из целесообразного характера войны, следует рассматривать как рецепцию телеологического способа мышления Аристотеля [10, С. 15]. Однако сам автор, хотя и признает необходимость и значимость «философских заключений» для своего исследования, тем не менее стремится избежать спекулятивных метафизических построений, подобно замку на песке, лишенных твердой почвы «реального опыта» [1, С. 32]. Эксплицитно выраженная апелляция к философскому знанию представлена в книге в форме отдельных, спорадических элементов. Что же все-таки позволяет говорить о Клаузевице как политическом философе?

На наш взгляд, философское значение концепции Клаузевица, заключается, прежде всего, в ее обосновании деятельностного подхода к феномену войны. Структура войны как специфического вида деятельности включает в себя ряд компонентов, важнейшими из которых для рассматриваемой теории могут быть признаны темпоральные и пространственные аспекты военной деятельности (причем по степени значимости последние уступают первым [1, С. 286-287, 443]), а также характеристики ее субъекта. Война для немецкого теоретика представляет собой сложноорганизованную деятельность, причем она не сводится к одностороннему воздействию на противника, но является по своей сути взаимодействием воюющих сторон: «война является актом насилия и применению его нет предела; каждый из борющихся предписывает закон другому; происходит соревнование, которое теоретически должно было бы довести обоих противников до крайностей. В этом и заключается первое взаимодействие и первая крайность, с которыми мы сталкиваемся» [1, С. 37]. В приведенной цитате содержится важнейшее теоретическое положение, которое вслед за В. Палавером можно обозначить как «принцип реципрокности» применительно к осмыслению насилия [17]. Данный принцип объясняет эскалацию насилия исходя из миметического,

подражательного отношения, возникающего между соперниками в ходе борьбы. Каждая из противоборствующих сторон заинтересована в том, чтобы придать столкновению асимметричный характер и добиться одностороннего доминирования с помощью внезапных ударов, однако, как показывает Клаузевиц, достижение этой асимметрии оказывается весьма проблематичным. Во-первых, армии европейских государств эпохи наполеоновских войн демонстрировали значительное сходство вооружения, снаряжения и уровня подготовки [1, С. 331]. Во-вторых (и это для Клаузевица главное), перевод вооруженного конфликта в статус асимметричного затруднен тем, что одна из сторон может прибегнуть к методам ведения борьбы, используемым другой стороной, – возникает эффект миметических близнецов, подстегивающих друг друга в борьбе за достижение определенной цели. И именно это подражание становится эффективным средством на пути осуществления основной цели военной деятельности – уничтожения вооруженных сил противника.

Позднее, в 1972 году, Р. Жирар, продолжая мысль Клаузевица, разоблачил «заразительную» силу любого, даже самого незначительного акта насилия: «Малейшее насилие может привести к катастрофической эскалации <...> Насилие обладает чрезвычайными миметическими эффектами – то прямыми и позитивными, то косвенными и негативными. Чем больше люди стараются с насилием справиться, тем больше пищи ему дают; препятствия, которые против него хотят воздвигнуть, оно превращает в свои орудия; оно похоже на огонь, который пожирает все, чем его забрасывают, желая погасить» [18, С. 42]. Следуя этому выводу, даже борьба современных государств с международным терроризмом в условиях кризиса системы международного права не может быть признана эффективной: она не только не способна положить конец иррациональной вспышке насилия, но, более того, она это насилие усугубляет, вызывая эффект «миметических близнецов» [17]. Понимание деятельности как миметического взаимодействия позволяет объяснить причины неудач субъекта, сталкивающегося не с инертным объектом, но с живым, немедленно реагирующим соперником. Но что самое важное – теория Клаузевица исходит из понимания интерференции двух взаимонаправленных актов насилия не как гасящих друг друга, но как способных приводить к взаимной интенсификации способов осуществления этого насилия.

Военная деятельность, согласно Клаузевицу, – это не только взаимодействие двух противников, это активность, вплетенная в другие, не собственно военные виды деятельности: «различные виды деятельности, связанные с войной, распадаются на две главные категории: на такие, которые являются лишь подготовительными к войне, и на самую войну» [1, С. 119]. Согласно немецкому теоретику, можно провести аналогию между военной и торговой деятельностью (и та и другая представляют собой конфликт человеческих интересов). Кроме того, военная деятельность может быть уподоблена политической, которая, в свою очередь, является торговлей «в более крупном масштабе» [1, С.147]. Тем не менее, все перечисленные виды человеческой активности не являются полностью тождественными, и их значение для ведения войны неодинаково.

Собственно военная деятельность – бой – нуждается в невоенных ее видах как в необходимом условии своего осуществления, ибо задача военного командования сводится не только к уничтожению противника, но и к сбережению собственных человеческих ресурсов. Задача же невоенных видов деятельности заключается в максимально эффективной подготовке к войне, ибо даже ожидание войны должно складываться из активных деятельностных фаз.

Наряду с двумя рассмотренными выше аспектами военной деятельности – миметический характер и тесная переплетенность с другими, невоенными видами активности – можно выделить и третий аспект для более детальной ее характеристики – трение. Под трением следует понимать совокупность факторов, отделяющих «действительную» войну от абстрактной или «бумажной» войны. Если в теории военная деятельность может представляться простой и легко реализуемой, то на практике она встречает разнообразные препятствия, среди которых Клаузевиц упоминает фактор случайности, опасность, физическое напряжение, а также недостоверность информации на войне [1, С. 106, 101-102, 108]. В результате воздействия упомянутых причин трения военная деятельность уподобляется «движению в противодействующей среде» [1, С. 107]. Данное определение, на наш взгляд, может быть экстраполировано и на другие виды человеческой активности. В процессе любого вида деятельности, даже не основанного на смертельном риске, человек преодолевает сопротивление внешнего, чуждого. Деятельность мореплавателя, охотника, шахтера, педагога или, к примеру, спортсмена предполагает умение адаптироваться в чуждой, недружелюбной или агрессивной среде – будь то природные или социально обусловленные «трения».

Высшей целью военной деятельности, согласно Клаузевицу, является цель политическая, по отношению к которой даже уничтожение соперника является лишь средством ее достижения, т.е. убийство не является высшей целью военной операции [1, С. 256]. Рассуждая о значении выигранных и проигранных сражений для общего успеха военной кампании, предшественник Клаузевица Никколо Макиавелли приходит к выводу о роли решающего сражения и недопустимости поражения, которое обнуляет все достигнутые в ходе войны результаты: «поражение делает бесполезными все прежние успехи» [19, С. 27]. Для подобного рода рассуждений характерна линейная логика, согласно которой армия должна постепенно и неуклонно продвигаться от победы к победе, а решающее сражение поставит «жирную точку» в этой победоносной серии. Это и не удивительно для реалий XVI века, когда отсутствовала всеобщая воинская повинность, а по возвращении из военного похода солдаты приступали к своим привычным трудовым обязанностям крестьянина или какому-либо иному ремеслу («страшны солдаты, не желающие учиться никакому ремеслу, кроме войны» [19, С. 24]). В начале XIX столетия, в эпоху наполеоновских войн ситуация кардинальным образом поменялась. На смену небольшим мобильным армиям пришли гигантские военные массы (уже Наполеон располагал «машинами смерти» в сто-двести тысяч человек), а полководцы вынуждены были управлять огромным «многочленным целым». Поэтому закономерно, что для Клаузевица поражение армейского элемента в отдельной битве еще не является свидетельством проигранной войны в целом: «Поражение, понесенное в столкновении одним корпусом, может быть заглажено победой армии; даже проигранное армией сражение может не только быть уравновешено сражением, выигранным армией более значительной, но даже обратиться в счастливое событие» [1, С. 237]. Таким образом, немецкому теоретику свойствен холистический подход к осмыслению войны, согласно которому отдельный элемент целостного феномена не имеет превалирующего значения, если принимать во внимание общую цель войны, ее длительную временную перспективу, а также непредсказуемую логику войны в целом. Единичный элемент военной машины служит осуществлению ее общей цели, при этом все элементы взаимосвязаны и благодаря взаимодействию и взаимоусилению способствуют общему успеху. В качестве практических выводов из подобных рассуждений можно вывести следующие положения. Во-первых, необходимость разбиения единой цели военной деятельности на множество целей частных, подчиненных ее решению, но, в то

же время обладающих известной самостоятельностью. Во-вторых, введение в теорию войны принципа, который можно обозначить как «принцип синергетического коллективного действия»: все элементы коллективного целого должны быть задействованы одновременно и, усиливая друг друга, служить для решения общей задачи. Во-третьих, необходимость действия и нацеленности на результат в любой ситуации, даже в самой неблагоприятной, ибо, несмотря на неудачный исход отдельных боев, результат боя в целом еще не predetermined, а, следовательно, война еще не проиграна. Более того, даже окончательное поражение государства в войне не является свидетельством краха его политической субъектности: для исправления ситуации можно использовать политические средства: «даже на окончательный, решающий акт всей войны в целом нельзя смотреть как на нечто абсолютное, ибо побежденная страна часто видит в нем лишь преходящее зло, которое может быть исправлено в будущем последующими политическими отношениями» [\[1, С. 43\]](#).

Понимая войну как «подлинное орудие политики, продолжение политических отношений, проведение их другими средствами» [\[1, С. 55-56\]](#), немецкий мыслитель тем самым отказывает ей в праве на определяющее и самодовлеющее значение в жизни общества. Война не может и не должна диктовать обществу свою логику, подчинять своим ритмам все стороны общественной жизни. Военная власть должна подчиняться власти политической, а к прерогативам правительства, согласно Клаузевицу, относится определение размера армии и масштаба ведения войны. Подобная попытка ограничить войну сферой политики имеет далеко идущие последствия. Ведь именно политическая власть обладает монопольным правом на насилие, и от нее зависят возможности его ограничения, приостановки или прекращения: «Так как война не является слепым актом страсти, а в ней господствует политическая цель, то ценность последней должна определять размер тех жертв, которыми мы готовы купить ее достижение. Это одинаково касается как *объема*, так и *продолжительности* принесения жертв. Таким образом, как только потребуются затраты сил, превышающая ценность политической цели, от последней приходится отказываться; в результате заключается мир» [\[1, С. 62\]](#). Сама война является актом насилия, она «отнюдь не человеколюбива» [\[1, С. 419\]](#), и ее внутренняя логика несовместима с принципом «ограничения и умеренности» [\[1, С. 36\]](#), но именно от иницирующих или сдерживающих ее политических факторов, от состояния общества в целом зависит, насколько кровопролитным и жестоким будет это насилие и насколько долго оно продлится. Подчиняя войну политическим целям, а, следовательно, ограничивая ее внешними условиями, теория Клаузевица устанавливает рамки, за которые военная деятельность не должна выходить. Насилие, допустимое на войне, определяется политической целью и не может быть абсолютным, следовательно, война согласно Клаузевицу не является тотальной. И полностью необоснованным представляется отождествление взглядов автора «Vom Kriege» с идеями другого немецкого генерала и теоретика войны Эриха Людендорфа, принадлежащее А. Керсновскому: «Германский офицер отрезает пальцы бельгийской девочке. Его всецело покрывают и оправдывают Клаузевиц и Людендорф своей бесчеловечной теорией "интегральной войны"» [\[20, С. 134\]](#). Если мы обратимся к самой теории «тотальной войны», разработанной Э. Людендорфом в XX веке, в период между Первой и Второй мировыми войнами, то обнаружим, что для нее характерен кардинальный разрыв с идеями, высказанными Клаузевицем. Уже не политика определяет характер и степень интенсивности войны, но сама война заставляет политику служить своим интересам. Согласно Людендорфу, предлагающему «выбросить на свалку» теоретическое наследие своего предшественника, и в мирное время все сферы общественной жизни должны

служить войне как выражению «высшей жизненной воли народа» [\[21, С. 10\]](#).

Вместе с тем, положение теории Клаузевица, в соответствии с которым «размеры абсолютной силы армии определяются правительством», допускает амбивалентность в интерпретации. С одной стороны, оно свидетельствует о том, что военная власть ограничена установлениями политической власти и вынуждена действовать, исходя из наличествующих количественно определенных вооруженных сил. С другой стороны, если численность армии – важнейший фактор в деле достижения победы [\[1, С. 215-216\]](#), а размер армии определяется правительством, то не означает ли это, что политическая власть вынуждена осуществлять классификацию и категоризацию всех граждан государства по принципу их отнесения к разряду потенциальных комбатантов? И, если так, то не приходим ли мы к «порочному кругу»: политика определяет войну, но, сама она, в свою очередь, руководствуется целями и задачами военной деятельности, осуществляя биополитическое управление собственным населением. Естественной для эпохи Клаузевица была предварительная биополитическая категоризация населения по оси «мужское-женское»: женщины не рассматривались в качестве действенной военной силы «по умолчанию». Тем самым политическая власть в теории Клаузевица приобретает биополитические функции, а население должно выдержать проверку на соответствие заданным биополитическим стандартам.

Биополитика в условиях господства модели суверенитета государств-наций была заинтересована в сохранении и увеличении численности армии отдельно взятого государства, постоянном пополнении ее из ресурсов собственного народа, что способствовало не только налаживанию тесной связи между армией и народными массами, но и будущему размыванию границ между комбатантами и некомбатантами, армией и народом. Не следует игнорировать иррегулярные факторы в военной деятельности – данное положение Клаузевиц иллюстрирует примером испанской национальной борьбы против наполеоновской армии [\[1, С. 248\]](#). В XX веке упомянутая идея была развита в концепции партизана К. Шмитта, которая демонстрирует, что иррегулярное и нелинейное может оказаться более эффективным в борьбе с регулярным, линейным, подчиненным строгой иерархии и дисциплине [\[22, С. 945\]](#). Зачастую войска, организованные в соответствии с принципом регулярности, оказываются бессильными в борьбе с иррегулярными вооруженными силами. Достаточно вспомнить знаменитые слова Наполеона о том, что с партизаном следует бороться партизанскими методами [\[23, С. 25\]](#).

Таким образом, теорию войны Клаузевица можно рассматривать как вклад в концептуальное осмысление эволюции европейских войн от спорадически собираемых, нерегулярных немногочисленных вооруженных формирований через этап профессиональных армий, обособленных от общей массы народа, к войнам нового типа, которые «будут вестись всей тяжестью народных масс обеих сторон» [\[1, С. 249\]](#). Как отмечает Р. Арон, размышляя над тем обстоятельством, почему исследование Клаузевица так и не было опубликовано им при жизни, «он (Клаузевиц) рассчитывал на потомков, а не на современников», явившись провозвестником таких войн, которые в будущем затронут не только монархов, но и весь народ [\[5\]](#).

В ином политико-философском контексте знаменитый тезис Клаузевица «война есть продолжение политики, только иными средствами» был перефразирован Мишелем Фуко. Французский мыслитель, полемизируя с автором «Vom Kriege», «переворачивает» ход его мысли, утверждая, что «политика – это война, продолженная другими средствами»

[24, С. 65]. Это означает, во-первых, что политическая власть в мирное время развивает то неравновесное соотношение сил, которое было установлено в ходе военных действий в результате победы одной из сторон и поражения другой. То есть, политика, по мысли Фуко, отнюдь не сглаживает остроту последствий войны, не пытается трансформировать установившиеся посредством войны отношения социального неравенства, но, напротив, это неравенство консервирует и усугубляет. Во-вторых, история институтов власти, функционирующих в мирное время, согласно Фуко, представляет собой по сути ту же историю военных действий, но экстраполированную в область политики: и в той и в другой областях наблюдается непрестанная борьба за власть, происходят неравновесные процессы перераспределения сил – устанавливается доминирование одной из сторон при одновременном подчинении другой.

Внимательное чтение «Vom Kriege» показывает, что отношения между войной и политикой у Клаузевица далеко не являются однозначными, и делать краеугольным камнем всего произведения знаменитый афоризм о продолжении политики другими средствами было бы, по меньшей мере, серьезным заблуждением. Клаузевиц, предвосхищая мысль Фуко, устанавливает определенную аналогию между войной и политикой: «в политике в скрытом виде уже намечены контуры войны, как свойства живых существ в их зародышах» [1, С. 147]. Более того, в определенных ситуациях военная и политическая власть, преследующие единую цель, «сливаются воедино, и полководец становится одновременно и государственным человеком» [1, С. 97]. Война не может быть полностью детерминирована политическими отношениями, ей присущи известная степень автономии, а также имманентная логика, не выводимая целиком из внешних политических целей и факторов. Как отмечает сам Клаузевиц, «война не всегда является свободным решением политики, и менее всего она бывает такою там, где силы крайне неравны» [1, С. 332]. Согласно знаменитому определению из Первой главы «Vom Kriege», война – это «настоящий хамелеон» [1, С. 58]: она обладает нестабильной и изменчивой природой и, будучи представленной в многообразии исторических форм, ускользает от однозначной дефиниции.

В темпоральном аспекте феномен военной деятельности неоднороден: он конституируется из побед и поражений, активных фаз (боевых действий) и пауз, остановок в военных действиях. Активные, «событийные» фазы военных действий должны быть фазами максимальной концентрации сил, сосредоточенных для нанесения удара, а отдельно взятые воинские части следует подчинить принципу коллективного действия, так, чтобы ни одна из них не оставалась праздною, но все они служили решению общей задачи, взаимно усиливая друг друга [1, С. 239-240]. Таким образом, время войны не сводимо исключительно к моментам открытого проявления насилия, это и время подготовки, «бытие на войне вне боя», «бессобытийное» время ожидания и приостановки кровопролитной борьбы ради ее дальнейшего продолжения.

Впервые мысль о том, что к сущности войны принадлежат не только военные действия, но и их ожидание, была высказана Т. Гоббсом в «Левиафане». По замечанию философа, «война есть не только сражение, или военное действие, а промежуток времени, в течение которого явно сказывается воля к борьбе путем сражения. Вот почему время должно быть включено в понятие войны, так же как и в понятие погоды. Подобно тому как понятие сырой погоды заключается не в одном или двух дождях, а в ожидании этого в течение многих дней подряд, точно так же и понятие войны состоит не в происходящих боях, а в ясной устремленности к ним в течение всего того времени, пока нет уверенности в противном. Все остальное время есть мир» [25, С. 87]. Обращает на себя

внимание апофатическая дефиниция мира у Гоббса: мир не наделяется никакими положительными атрибутами, он определяется лишь через те свойства, каковыми не обладает. Именно война становится исходным и узловым элементом, через призму которого рассматривается специфика социальной жизни *in toto*. Показательно, что и у Клаузевица, предложившего несколько развернутых дефиниций войны, отсутствует четкое определение мира. Мирное состояние, констатирует Клаузевиц, не является типичным не только для европейских государств, но и для стран всего земного шара. «Долгий мир» – уже некая аномалия для государства, следовательно, чтобы война не застала его врасплох, необходима перманентная подготовка к ней: «государство, пребывающее в долгом мире, должно постоянно привлекать к себе отдельных отличившихся на этих театрах войны офицеров, или же отправлять туда своих офицеров, чтобы они могли там познакомиться с войной» [1, С. 109-110]. Подобно Гегелю, Клаузевиц приписывает длительному состоянию мира разлагающее и тлетворное влияние на дух народа: отсутствие войны способствует изнеженности, погоне за ростом благосостояния и, в конечном счете, негативно сказывается на формировании в народе «духа отваги» [1, С. 212].

Вместе с тем, возвращаясь к сравнению темпоральных аспектов войны в учениях Гоббса и Клаузевица, следует обратить внимание на существенные расхождения в их взглядах. Согласно замечанию У. Клеемайер, «для Гоббса война – это, в основном (*grundsätzlich*), процесс, растянутый во времени, который, будучи однажды запущен, может быть остановлен лишь внешней силой (*Macht*). Война по Клаузевицу, по крайней мере в той степени, в какой она соответствует чистой модели, есть действие, предельно сконцентрированное как во времени, так и в пространстве, которое может быть завершено именно начавшими его субъектами. Представление о вечной войне имеет смысл в рамках Гоббсова образа мысли, но не в пределах понятийного аппарата Клаузевица» [26, С. 303]. Действительно, война согласно воззрениям немецкого теоретика ведется не ради нее самой, но ради последующего сложения оружия, т.е. заключения мира. Однако насколько широко могут простираются границы военного времени? Если оно может протекать и в бессобытийной форме и включать в себя паузы между кровопролитными фазами, более того, если война, проигранная *de jure*, не лишает государство надежды на последующий благоприятный исход политической (а, возможно, и новой военной) борьбы, то где та шаткая грань, которая отделяет мир от войны? Заполнение этих бессобытийных периодов значимыми для военной деятельности смыслами и послужило, на наш взгляд, важнейшим условием экстраполяции понятия «войны» и на мирные отрезки социального времени. Следующим шагом этого процесса стало концептуальное неразличение понятий «мир» и «война» и появление гибридных терминов («воинственный мир», «негативный мир», «отсутствие войны», «отсутствие тотальной войны» и др.), используемых в современной политической философии для обозначения того неопределенного состояния не-войны и не-мира, в которое вовлечено человечество. В этой связи еще Е.Н. Трубецкой отмечает: «Мира на свете вообще не существует. То, что мы называем миром, на самом деле – лишь перемирие, хуже того, – *скрытая война*, – такое состояние, в котором все подчинено войне как последней и окончательной цели» [27, С. 54].

За открытым противостоянием армий может последовать этап новой, не менее активной схватки, но уже в других сферах социальной жизни. И именно эта невоенная борьба зачастую оказывается намного плодотворнее, чем вооруженное столкновение. Это обстоятельство было подмечено И. Фихте, который отмечал: «Борьба с оружием в руках закончена – наступает, если мы этого хотим, борьба основоположений, нравов,

характера» [4, С. 304]. Клаузевиц, следуя Фихте, переносит тяжесть пост-военного противостояния в моральную плоскость: физические и моральные силы не могут быть отделены друг от друга, и недостаток последних особенно остро ощущается в проигранных сражениях. К моральным величинам относятся не только добродетели военачальника, но и дух всего народа, комплектующего армию [1, С. 201], что свидетельствует о невозможности отделения народа от армии, которые сплавлены в единое социальное тело.

Теория Клаузевица обнаруживает оригинальное понимание субъекта военной деятельности. Значительная роль в конституировании субъекта войны, по мысли немецкого теоретика, принадлежит иррациональным факторам риска и случайности, готовности пожертвовать своей жизнью во имя блага социального целого. Тем самым обнаруживается взаимосвязь субъекта в понимании Клаузевица с гегелевской фигурой Господина (Herr), для которого борьба за признание своего человеческого достоинства оказывается более важной, чем сохранение собственной жизни [28].

Привлекая к теоретическому анализу разноуровневых субъектов военной деятельности (от рядовых до верховного главнокомандующего), немецкий теоретик приходит к парадоксальному выводу: наиболее «слабым звеном» в иерархической структуре военной власти является верховный субъект: «вождь крупного целого находится постоянно под ударом волн ложных и истинных сообщений; ошибок, допущенных вследствие страха, небрежности, торопливости или упрямства <...> он окружен случайностями, которых никто не мог бы предусмотреть» [1, С. 213]. Следствием этого избытка ложной и/или непроверенной информации является ослабление функции принятия субъектом необходимого в определенной ситуации решения.

Таким образом, Клаузевиц обнаруживает значимость коммуникативных практик и иррациональных факторов в конституировании субъекта военных действий. Слабость и неустойчивость верховной позиции власти связана с ее зависимостью от самых разнообразных обстоятельств, в результате чего конституирующее значение для субъекта приобретает само его место в иерархической системе властных отношений: «смелость (а для Господина это важнейшее свойство – Н.Б.) мы находим *тем реже, чем выше мы поднимаемся по ступеням служебной иерархии*» [1, С. 209]. Моральное поражение острее всего ощущается и медленнее всего заглаживается именно на верхних эшелонах власти, причиной чего следует признать негативное влияние на субъекта факторов информационной избыточности. Деятельность на высших и низших ступенях военного командования отличается различной степенью упорядоченности, воспроизводимости, регулярности, методизма. Субъект верховной военной власти, вовлеченный в хаотическую множественность динамичных информационных потоков, вынужден в этой нестабильной ситуации отказаться от применения единообразной методологии военной деятельности. Располагая неполными, отрывочными, не всегда достоверными, противоречащими друг другу сведениями, он на основе этих фрагментов должен осуществить конструирование целостной социальной реальности и выработать стратегию ориентирования в ней. Иными словами, субъект действует в условиях преодоления трансгрессии: первичный трансгрессивный хаос раздробленности и неопределенности он должен привести к устойчивому единству. Данная ситуация отнюдь не является аномалией, применимой исключительно к реалиям военного времени. Как показывают исследования Джона Ло, в научных практиках путем *метода-сборки* также осуществляется перевод текучей, подвижной и множественной реальности «там-вовне» в устойчивую, независимую, определенную и единственную реальность «здесь-внутри»

[29]. Таким образом, черты социальной реальности, эксплицированные Клаузевицем применительно к войне как особому состоянию общества, не являются акцидентными свойствами социального бытия – просто война обостряет, делает более выпуклым его гетерогенный и текучий характер. Метафора «морских волн», которые то уносятся, то вновь набегают сами собой, применяемая немецким автором для описания ситуации, в которую вовлечен субъект военной деятельности [1, С. 104], удивительным образом воспроизводится в книге Джона Ло, будучи экстраполированной на характеристики мира в целом: «мир не является структурой или чем-то, что можно картографировать средствами социальной науки. Вместо этого можно было бы представить его как водоворот или бурное течение. Вообразите, что он наполнен потоками, вихрями, течениями, воронками, непредсказуемыми переменами, штормами и моментами затишья и спокойствия [29, С. 23]. Это лишь один из примеров того, как идеи и философские интуиции Клаузевица получают новую жизнь в современной социокультурной реальности.

Ряд выводов Клаузевица о субъекте военной деятельности превосходит положения современной философии управления, согласно которым процесс принятия решения (являющийся для немецкого теоретика прерогативой военачальника) рассматривается как атрибутивное свойство человеческой деятельности в целом. Так, В.Д. Диев предлагает определять человека как «существо, принимающее решения» [30, С. 3]. Кроме того, в философии управления описываются проблемные ситуации, связанные с процессами принятия решений, которые могут быть порождены как информационной недостаточностью, так и избытком информации: «Недостаток информации мешает понять взаимосвязь между элементами проблемной ситуации, получить о ней целостное и адекватное представление. Избыток же информации в силу множественностей связей между различными элементами проблемной ситуации также усложняет процесс ориентации в этих условиях, что с необходимостью требует выделения наиболее значимых элементов, определения их удельного веса». [30, С. 6].

В своем анализе разноуровневых субъектов военной деятельности Клаузевиц опирается на герменевтическую методологию, выдвигая рекомендацию при оценке действующего лица «в точности стать на его точку зрения, т.е. сопоставить все то, что он знал и что руководило его действиями, и отстранить от себя все то, чего деятель не мог знать или не знал» [1, С. 169]. Этот методологический прием «вчувствования» в способ восприятия и интерпретации реальности субъектом Клаузевиц использует при описании ментальных состояний новичка на войне и бывалого солдата [1, С. 99], а также при характеристике субъектов, занимающих различные ступени в системе военного командования.

Теория Клаузевица свидетельствует об отсутствии универсальных характеристик субъекта, которые оставались бы неизменными на разных уровнях отношений власти. Субъект военной деятельности демонстрирует зависимость от трансформирующихся динамичных структур социального пространства, влияющих на его способ мысли и действия. Как это ни парадоксально, чем выше положение субъекта в социальной иерархии, тем больше возрастает его зависимость от обстоятельств, тем труднее ему осуществлять свою властную функцию – принятие необходимого решения. В эпоху современных войн был предложен способ решения коммуникационных помех, затрудняющих выполнение субъектом военной власти своих командных функций. Речь идет о разработке так называемого «автономного» оружия – роботов, снабженных соответствующим программным обеспечением и способных независимо от управляющего центра самостоятельно принимать необходимые решения. В том случае, если

«способность воспринимать данные, интерпретировать их и принимать решение передана самому оружию, то все каналы связи находятся внутри него и куда менее уязвимы» [14]. Кроме того, значительно увеличивается скорость принятия решения, превосходя возможности, доступные человеку. Таким образом, современные разработчики оружия разрешают коммуникационные проблемы военной деятельности, сформулированные еще Клаузевицем. Иерархическая модель коммуникации сегодня уступает место сетевой с налаженными горизонтальными каналами связи и возрастающей автономией отдельных ее элементов.

Рассмотрев ряд ключевых аспектов теории войны Карла Клаузевица, подведем итог настоящего исследования, который может быть представлен в следующих выводах.

1. Война для немецкого автора представляет собой особый вид деятельности, тесно переплетенный с невоенными или подготовительными к войне ее видами. Эта деятельность осуществляется в особой среде, конституирующейся под влиянием факторов «трения» и препятствующей достижению намеченных целей и планируемых результатов. Немаловажно отметить, что повышение эффективности военной деятельности Клаузевиц связывает с ее миметическим характером: использование определенных средств ведения борьбы провоцирует симметричные акции со стороны противника.

2. Военная деятельность характеризуется определенными темпоральными и пространственными аспектами (последние для немецкого автора, констатирующего ослабление роли географических факторов в современном ему мире, являются не столь значимыми). Время войны конституировано не только событийными, но и бессобытийными фазами, которые наполнены значимыми для продолжения войны смыслами.

3. Клаузевиц выстраивает типологию субъектов военной деятельности, в соответствии с которой позиция высшего военного командования является наиболее уязвимой, ибо военачальник вовлечен в трансгрессивную реальность множественных и недостоверных информационных потоков.

4. Как мы стремились показать в настоящем исследовании, многие положения теории Клаузевица не только сохраняют актуальность для современной политической философии, но и обладают обширным эвристическим потенциалом, позволяющим вывести их за узкие рамки военной теории и применить к осмыслению самых разнообразных реалий социальной жизни.

Библиография

1. Клаузевиц К. О войне. М.: Издательская корпорация «Логос»; Международная академическая издательская компания «Наука», 1994. 448 с.
2. Батай Ж. «Проклятая часть»: Сакральная социология. М.: Ладомир, 2006. 742 с.
3. Балаклеец Н.А., Фаритов В.Т. Война в горизонте абсолютной трансгрессии: социально-онтологический и историко-философский аспекты // Социодинамика. 2016. № 3. С. 154-166. DOI: 10.7256/2409-7144.2016.3.18050.
4. Фихте И.Г. Речи к немецкой нации. СПб.: Наука, 2009. 349 с.
5. Aron R. Carl von Clausewitz: "Vom Kriege". URL: <http://www.zeit.de/1982/49/vom-kriege> (дата обращения 12.02.2016).
6. де Варрен Н. Философский слух: понимание войны в сочинениях Клаузевица // Социологическое обозрение. 2015. Т. 14. № 4. С. 12-27. DOI: 10.17323/1728-192X-

2015-4-12-27.

7. Daase Chr., Schindler S. Clausewitz, Guerillakrieg und Terrorismus. Zur Aktualität einer missverstandenen Kriegstheorie // Politische Vierteljahresschrift, December 2009, Volume 50, Issue 4, p. 701-731.
8. Müller H. Clausewitz' Verständnis von Strategie im Spiegel der Spieltheorie. Berlin: Carola Hartmann Miles – Verlag, 2012. 444 S.
9. Münkler H. Clausewitz über den Charakter des Krieges. In: Themenportal Europäische Geschichte (2007). URL: <http://www.europa.clio-online.de/2007/Article=137> (дата обращения 12.02.2016).
10. Oetinger, von B. Die Fundamente der Strategie – Carl von Clausewitz' Begriff der Strategie als Maßstab für Unternehmensstrategie // Perspektiven der Strategischen Unternehmensführung. Theorien. Konzepte. Anwendungen. Wiesbaden: Betriebswirtschaftlicher Verlag Dr. Th. Gabler, 2003. S. 3-23.
11. Sehested von Gyldenfeldt Chr. Von Alfred Vierkandt zu Carl v. Clausewitz: Walther Malmsten Schering und die Quellen gemeinschaftlichen Handelns in Frieden und Krieg. LIT Verlag Münster, 2002. 347 S.
12. Кревельд М. ван. Трансформация войны. М.: ИРИСЭН, Социум, 2015. 320 с.
13. Keegan J. A History of Warfare. London: Vintage Books, 1993. 432 p.
14. Тоффлер Э., Тоффлер Х. Война и антивоина. URL: http://royallib.com/book/toffler_elvin/voyna_i_antivoyna.html (дата обращения 12.02.2016).
15. Орехов А.М. «Вечный мир» или «вечная война»? (И. Кант versus К. Клаузевиц) // Пространство и Время. 2014. № 3(17). С. 62-66.
16. Grünberg J. Strategie und Taktik nach Clausewitz und ihre Anwendung in mittelständischen Unternehmen. Hamburg: Diplomica Verlag GmbH, 2009. 94 S.
17. Palaver W. Im Angesicht der Apokalypse: Clausewitz zu Ende denken. URL: http://www.osterfestival.at/uploads/media/Vorstellung-Girard-Clausewitz_Osterfestival-2015.pdf (дата обращения 12.02.2016).
18. Жирар Р. Насилие и священное. М.: Новое литературное обозрение, 2000. 400 с.
19. Макиавелли Н. О военном искусстве. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2014. 224 с.
20. Керсновский А.А. Философия войны. М.: Издательство Московской Патриархии, 2010. 208 с.
21. Ludendorff, von E. Der totale Krieg. München: Ludendorffs Verlag G.m.b.H., 1935. 128 S.
22. Балаклеец Н.А. Гештальт партизана как трансгрессивный феномен: к политико-философской теории партизана Карла Шмитта // Политика и общество. 2015. № 7. С. 943-951. DOI: 10.7256/1812-8696.2015.7.15740
23. Шмитт К. Теория партизана. М.: Праксис, 2007. 301 с.
24. Фуко М. Нужно защищать общество: Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1975-1976 учебном году. СПб.: Наука, 2005. 312 с.
25. Гоббс Т. Левиафан. М.: Мысль, 2001. 478 с.
26. Kleemeier U. Grundfragen einer philosophischen Theorie des Krieges: Platon – Hobbes – Clausewitz. Berlin: Akademie Verlag GmbH, 2003. 339 S.
27. Трубецкой Е.Н. Смысл жизни. М.: Институт русской цивилизации, 2011. 656 с.
28. Кожев А. Введение в чтение Гегеля. СПб.: Наука, 2003. 792 с.
29. Ло Дж. После метода: беспорядок и социальная наука. М.: Изд-во Института Гайдара, 2015. 352 с.

30. Диев В.С. Неопределенность как атрибут и фактор принятия решений // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Философия. 2010. Т. 8. № 1. С. 3-8.
31. Гуревич П.С. Невыученные уроки истории // Философия и культура. 2014. № 4. С. 489-493. DOI: 10.7256/1999-2793.2014.4.11668.

References (transliterated)

1. Klauzevits K. O voine. M.: Izdatel'skaya korporatsiya «Logos»; Mezhdunarodnaya akademicheskaya izdatel'skaya kompaniya «Nauka», 1994. 448 s.
2. Batai Zh. «Próklyataya chast'»: Sakral'naya sotsiologiya. M.: Ladomir, 2006. 742 s.
3. Balakleets N.A., Faritov V.T. Voina v gorizonte absolyutnoi transgressii: sotsial'no-ontologicheskii i istoriko-filosofskii aspekty // Sotsiodinamika. 2016. № 3. S. 154-166. DOI: 10.7256/2409-7144.2016.3.18050.
4. Fikhte I.G. Rechi k nemetskoj natsii. SPb.: Nauka, 2009. 349 s.
5. Aron R. Carl von Clausewitz: "Vom Kriege". URL: <http://www.zeit.de/1982/49/vom-kriege> (data obrashcheniya 12.02.2016).
6. de Varren N. Filosofskii slukh: ponimanie voiny v sochineniyakh Klauzevitsa // Sotsiologicheskoe obozrenie. 2015. T. 14. № 4. S. 12-27. DOI: 10.17323/1728-192X-2015-4-12-27.
7. Daase Chr., Schindler S. Clausewitz, Guerillakrieg und Terrorismus. Zur Aktualität einer missverstandenen Kriegstheorie // Politische Vierteljahresschrift, December 2009, Volume 50, Issue 4, p. 701-731.
8. Müller H. Clausewitz' Verständnis von Strategie im Spiegel der Spieltheorie. Berlin: Carola Hartmann Miles – Verlag, 2012. 444 S.
9. Münkler H. Clausewitz über den Charakter des Krieges. In: Themenportal Europäische Geschichte (2007). URL: <http://www.europa.clio-online.de/2007/Article=137> (data obrashcheniya 12.02.2016).
10. Oetinger, von B. Die Fundamente der Strategie – Carl von Clausewitz' Begriff der Strategie als Maßstab für Unternehmensstrategie // Perspektiven der Strategischen Unternehmensführung. Theorien. Konzepte. Anwendungen. Wiesbaden: Betriebswirtschaftlicher Verlag Dr. Th. Gabler, 2003. S. 3-23.
11. Sehested von Gyldenfeldt Chr. Von Alfred Vierkandt zu Carl v. Clausewitz: Walther Malmsten Schering und die Quellen gemeinschaftlichen Handelns in Frieden und Krieg. LIT Verlag Münster, 2002. 347 S.
12. Krevel'd M. van. Transformatsiya voiny. M.: IRISEN, Sotsium, 2015. 320 s.
13. Keegan J. A History of Warfare. London: Vintage Books, 1993. 432 p.
14. Toffler E., Toffler Kh. Voina i antivoina. URL: http://royallib.com/book/toffler_elvin/voyna_i_antivoyna.html (data obrashcheniya 12.02. 2016).
15. Orekhov A.M. «Vechnyi mir» ili «vechnaya voina»? (I. Kant versus K. Klauzevits) // Prostranstvo i Vremya. 2014. № 3(17). S. 62-66.
16. Grünberg J. Strategie und Taktik nach Clausewitz und ihre Anwendung in mittelständischen Unternehmen. Hamburg: Diplomica Verlag GmbH, 2009. 94 S.
17. Palaver W. Im Angesicht der Apokalypse: Clausewitz zu Ende denken. URL: http://www.osterfestival.at/uploads/media/Vorstellung-Girard-Clausewitz_Osterfestival-2015.pdf (data obrashcheniya 12.02. 2016).
18. Zhirar R. Nasilie i svyashchenoe. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2000. 400 s.

19. Makiavelli N. O voennom iskusstve. SPb.: Azbuka, Azbuka-Attikus, 2014. 224 s.
20. Kersnovskii A.A. Filosofiya voiny. M.: Izdatel'stvo Moskovskoi Patriarkhii, 2010. 208 s.
21. Ludendorff, von E. Der totale Krieg. München: Ludendorffs Verlag G.m.b.H., 1935. 128 S.
22. Balakleets N.A. Geshtal't partizana kak transgressivnyi fenomen: k politiko-filosofskoi teorii partizana Karla Shmitta // Politika i obshchestvo. 2015. № 7. S. 943-951. DOI: 10.7256/1812-8696.2015.7.15740
23. Shmitt K. Teoriya partizana. M.: Praxis, 2007. 301 s.
24. Fuko M. Nuzhno zashchishchat' obshchestvo: Kurs lektsii, pročitannykh v Kollezhe de Frans v 1975-1976 uchebnom godu. SPb.: Nauka, 2005. 312 s.
25. Gobbs T. Leviafan. M.: Mysl', 2001. 478 s.
26. Kleemeier U. Grundfragen einer philosophischen Theorie des Krieges: Platon – Hobbes – Clausewitz. Berlin: Akademie Verlag GmbH, 2003. 339 S.
27. Trubetskoi E.N. Smysl zhizni. M.: Institut russkoi tsivilizatsii, 2011. 656 s.
28. Kozhev A. Vvedenie v chtenie Gegelya. SPb.: Nauka, 2003. 792 s.
29. Lo Dzh. Posle metoda: besporyadok i sotsial'naya nauka. M.: Izd-vo Instituta Gaidara, 2015. 352 s.
30. Diev V.S. Neopredelennost' kak atribut i faktor prinyatiya reshenii // Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filosofiya. 2010. T. 8. № 1. S. 3-8.
31. Gurevich P.S. Nevyuchennye uroki istorii // Filosofiya i kul'tura. 2014. № 4. С. 489-493. DOI: 10.7256/1999-2793.2014.4.11668.